

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О КУРСЕ «ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

История языкознания является и должна являться самостоятельной лингвистической дисциплиной с присущими ей спецификой, задачами, целями и приемами исследования. В ряде положений курс «История языкознания» предваряет курс «Общее языкознание», как бы давая ему материал для многочисленных контроверз, выводов и обобщений, что весьма специфично для курса «Общее языкознание». Ясно, что, например, изложение учения акад. Шахматова о предложении должно предшествовать ознакомлению с его теорией коммуникации и вообще с его лингвистической концепцией. Но, с другой стороны, курс «История языкознания» предполагает известными многие факты из истории соответствующих языков и особенно сравнительной грамматики групп родственных языков. Такие разделы и проблемы курса «История языкознания», как сравнительно-историческое языкознание, младограмматическая школа, итальянская неолингвистика, проблема праязыка (или языка-основы), проблемы лингвистической географии, проблема фонетического закона и целый ряд других проблем, основываются на знании истории определенного языка и хотя бы элементов сравнительной грамматики групп родственных языков. Исходя из этого, наиболее целесообразной была бы постановка курса истории языкознания после курсов истории языка и сравнительной грамматики и до курса общего языкознания. Но могут быть соображения и в пользу того, что курс «История языкознания» может явиться завершающим курсом цикла всех лингвистических дисциплин — курсом, не только дающим критический анализ предшествующих направлений в языкознании с позиций советского марксистского языкознания, но и опирающимся на хорошее знание принципиальных положений советского языкознания, что прежде всего обеспечивается курсом «Общее языкознание».

История языкознания у многих представителей западноевропейской лингвистики сводилась к истории разработки вопросов сравнительной грамматики индоевропейских языков. Достаточно обратиться к работам Томсена, Педерсена, Дельбрюка и Террачини¹, чтобы убедиться в этом. Подобный взгляд чрезвычайно суживает рамки и задачи данного курса. История языкознания как подлинно научная дисциплина не может ограничиться сведениями лишь из западноевропейского языкознания, но должна дать по возможности полную картину зарождения и развития античного, восточного (включая Дальний Восток) и русского языкознания. Более сложным является вопрос о содержании и тематике данного курса. Если курс «История языкознания» не сводится лишь к истории разработки сравнительной грамматики индоевропейских языков, то в то же время данная дисциплина не является сводом или некоей совокупностью всего того, что накоплено предшествующими поколениями в области языкознания. При таком подходе история языкознания растворила бы в себе историю частной филологии: славянской, романской, германской и т. д., т. е. потеряла бы свою специфику. Такие вопросы, как, скажем, бесконечные споры индийских грамматиков о различных видах корней, или споры романистов по поводу галисийского языка, или вопрос о происхождении слабого прошедшего в германских языках и т. д., — вопросы, важность которых для индологии, романистики и германистики трудно переоценить, — не входят и не должны войти в курс «История языкознания».

Следовательно, история языкознания как научная дисциплина — это не простая сумма всех ныне представленных частных филологий. В курсе «История языкознания» могут быть поставлены и могут получить всестороннее критическое освещение лишь такие проблемы, которые являются узловыми для языкознания в целом, имеют при-

¹ В. Томсен, История языковедения до конца XIX века [рус. перевод], М., 1938; H. Pedersen, Linguistic science in the nineteenth century, Cambridge, 1931; B. Delbrück, Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen, Leipzig, 1908; B. Terracini, Guida allo studio della linguistica storica, Roma, 1949.

ципальное значение для любой частной филологии и при всей противоречивости в их трактовке знаменуют поступательное движение языкознания как науки. К таким узловым вопросам можно было бы отнести следующие: 1) язык, его определение и сущность; 2) язык и общество (индивидуальное и социальное в языке, детерминированность языковых процессов); 3) язык и мышление (логика и грамматика, форма и содержание в языке); 4) протекновение языка; 5) закономерности развития языка; 6) классификация языков; 7) приемы и методы лингвистического исследования.

Подобные узловые вопросы могут служить известным ориентиром при отборе материала для построения курса «История языкознания». При этом отбором и материалом будет зависеть не столько от умения и опытности лектора, сколько прежде всего от самого состояния науки о языке. Не вдаваясь в подробности, укажу лишь на то, что в характеристике младограмматической школы значительное место займет проблема фонетического закона, а социологической — проблемы синхронии и диахронии, вопрос о системе языка и т. д.

Наиболее рациональным и правильным представляется построение курса «История языкознания» в плане строго выдержанной хронологической последовательности. Построение этого курса по проблемам, характерным для той или иной школы, с приложением историко-лингвистических экскурсов, не может быть одобрено по следующим соображениям: 1) подобное построение по сути дела снимает вопрос о преемственности; 2) оно подменяет курс «История языкознания» курсом «Общее языкознание»¹, а курс «История языкознания» есть самостоятельная лингвистическая дисциплина.

Хотя вопрос о периодизации истории языкознания является не разрешенным и хотя деление языкознания на «донаучное» и «научное» в известной мере условно, все же вряд ли можно оспаривать то положение, что какая-то грань между языкознанием до XIX в. и языкознанием последующего времени, несомненно, имеется. Дело, конечно, не в открытии санскрита и создании сравнительной грамматики индоевропейских языков, как это представлялось некоторым западноевропейским языковедам, а в том, что движущим началом языкознания XIX в. явился принцип историзма. Применение этого принципа сделало возможным построение истории языка и сравнительно-исторической грамматики группы родственных языков, что в свою очередь обеспечило научное описание современного состояния языков. Тот факт, что Ломоносов и некоторые другие ученые еще до XIX в. понимали необходимость исторического изучения языка, не меняет общей картины, и поэтому представляется целесообразным сохранить прежнее деление истории языкознания на «донаучный» и «научный» периоды.

Вопрос о причислении языковеда к той или иной школе языкознания не является таким простым, как это может показаться с первого взгляда. Развитие мирового языкознания подчас с трудом укладывается в рамки тех языковедческих «школ», которые получили четкие очертания, в основном, в Германии и Франции и которые носят наименование «натуралистическая», «младограмматическая», «социологическая», «эстетическая» школы. Не приходится отрицать объективного существования данных «школ» так же, как не приходится отрицать и того положительного, что было внесено их представителями в сокровищницу мирового языкознания. Но в то же время хорошо известно, что концепции отдельных языковедов часто выходят за рамки одной определенной школы, и непрерывное желание втиснуть их в ту или иную из этих школ наталкивается на значительные препятствия. Не нужно доказывать, что многие русские языковеды шли своим собственными путями, отличными от путей западноевропейской лингвистики. Можно указать на замечательного ученого Потебню, создателя весьма оригинальной лингвистической теории, которую невозможно поместить на прокрустово ложе натуралистической, младограмматической или социологической школы языкознания. Укажем также на другого крупнейшего языковеда — Водуна де Куртена, психологизм теоретических построений которого весьма сближает его с позициями младограмматиков, но в то же время известно, каким ярким противником именно младограмматиков он был.

Можно назвать имена Крушевского и Шухардта, Срезневского, Жильерова и ряда других, которых не причислив без особых натяжек ни к младограмматической, ни к социологической школе. Это наталкивает на мысль о том, что обычное в курсе «История языкознания» изложение материала по школам (см., например, посвященную историю языкознания первую часть программы курса «Общее языкознание» (сост. проф. А. С. Чикобава)) должно чередоваться с характеристикой деятельности отдельных языковедов и анализом их наиболее значительных трудов.

Необходимо также помнить, что даже самые выдающиеся языковеды прошлого были сынами своего века, и если они в ряде вопросов шли впереди своих современников, поднимая языкознание на высшую ступень, то все же они были скованы господствующими идеями своего времени и подчас отдавали дань отживающим и коп-

¹ Об этом совершенно справедливо пишет В. Н. Ярцева в статье «О курсе «История языкознания» на филологических факультетах университетов» (ВЯ, 1954, № 4).

сервативным тенденциям и взглядам, особенно в общепhilософском плане. Это в равной мере относится и к Бодуэну де Куртене, и к Шахматову, и к Потебне, и к Гумбольдту. Поэтому характеристика языковедов и анализ их произведений в курсе «История языкознания» должны строиться на фоне широкой исторической перспективы с учетом острой и упорной борьбы отживающего и прогрессивного, идеализма и материализма на философском фронте. Без осознания этой борьбы вне глубокого философского анализа мировоззренческих основ лингвистической концепции того или иного языковеда невозможно определить место, которое он занимает в общем поступательном движении языкознания, невозможен отбор всего положительного и ценного, что внесено им в науку его времени и что и в наше время является источником вдохновения для многих языковедов.

Правильное освоение и использование богатейшего лингвистического наследия прошлого, умелый отбор всего действительно ценного для более эффективного развития советского языкознания, отсечение всего, что является отжившим и устаревшим и что может в настоящее время лишь затормозить движение вперед, — в этом одна из наиболее ответственных и почетных задач курса «История языкознания».

Э. А. Макаев